

18+

A detailed illustration for a book cover. In the center, a woman with long, flowing blonde hair wears a white, long-sleeved dress with a gold sash. She holds a glowing, multi-colored orb of light. To her left, a blue and white wolf with a red bell collar snarls. To her right, a large, spotted leopard-like creature with a lion's mane roars. In the background, a white church with a dome is visible under a cloudy sky.

Тот, кто удерживает

Алексей Еременко

Алексей Ерёмченко
Тот, кто удерживает

«Издательские решения»

Ерёменко А.

Тот, кто удерживает / А. Ерёменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-671736-7

В сердце Срединных земель, где сходятся пути истории и мифа, как роса на пороге рассвета появляется девочка. Алхимик и Ведунья призвали ее из самой сути мира. Но ее истинная миссия начинается с послания, написанного кровью гибнущей Византии: последний император Константин завещал найти преемника — Того, кто удержит Мир от падения в бездну. Философский роман, где магия становится геополитикой. Книга о выборе, памяти и о тех, кто сегодня стоит на границе света и тьмы.

ISBN 978-5-00-671736-7

© Ерёменко А.
© Издательские решения

Содержание

В поисках смысла сквозь время и веру	6
Глава 1. Ангел	7
Глава 2. Третья	10
Глава 3. Волк	14
Глава 4. Монах	16
Глава 5. Врач	18
Глава 6. Speranza	20
Глава 7.	23
Глава 8.	26
Глава 9.	28
Глава 10. Клятва	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тот, кто удерживает

Алексей Ерёмченко

Посвящается двум главным женщинам моей жизни.

#

Маме – чья любовь продолжает жить во мне.

#

И дочери – ради которой я хочу сделать этот мир светлее.

Те, кто поддерживали выход этой книги:

- Ерёмченко Сергей
- Лебединец Виталий
- Лебединец Илья
- Иеромонах Антоний (Моквиц) настоятель монастыря-прихода Св. преп. Саввы Освящённого

Редактор Анна Гутиева

Корректор Татьяна Князева

Дизайнер обложки Татьяна Антипова

Художник Ольга Сереброва-Артес

© Алексей Ерёмченко, 2025

© Татьяна Антипова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-1736-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В поисках смысла сквозь время и веру

*Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.*

Ф. Тютчев

Эта книга родилась не как попытка развлечь читателя интересной историей, а как внутренняя необходимость. Она настойчиво требовала своего появления, пока автор искал ответы на вопросы, которые волнуют каждого думающего человека: кто мы, зачем живем, куда движемся? Это не коммерческий проект и не плод писательских амбиций. Это желание осмыслить нашу реальность и понять, почему Россия снова и снова оказывается в эпицентре мирового противостояния?

Книга стала продолжением музыкального альбома, в котором автор стремился прикоснуться к этой тайне. Почему эта страна, на протяжении всей своей многовековой истории, проходя через неисчислимые испытания, спотыкаясь и падая, каждый раз вставала с колен? Стоящая дотла, казалось, должна была исчезнуть, раствориться в песках времени, как множество народов и стран до неё. Но непонятным образом вновь и вновь восставала из пепла, подобно мифической птице Феникс.

И в наше время Россия не вписалась в предлагаемый ей порядок вещей, где Родина – это просто место комфортного существования. Снова стала помехой для «прогресса». Ответы на эти вопросы невозможно найти в сухом анализе политики или экономики – они кроются в самой сути русской цивилизации, в духовных корнях, в тысячелетнем пути Святой Руси.

Возможно, дело в том, что на всем этом пути, находились люди, готовые жертвовать собой ради высших идеалов – тех, что непонятны прагматичному Западу. Они не исчезли, несмотря на все попытки сломить Россию, развратить ее народ, стереть память о прошлом. Они – среди нас. Они идут в бой со словами: «Работайте, братья». Они совершают подвиг, как экипаж Су-24М в декабре 2022 года, повторяя огненный таран Николая Гастелло.

Но Святая Русь – это не абстрактное понятие, не идеализация. В ней есть и грех, и ошибки, и слабости. Однако, как сказано в Писании: «Сила Моя в немощах совершается». Россия, несмотря на все ее испытания, остается той землей, где вера жива. Здесь еще звучат слова о Третьем Риме, здесь люди чувствуют ответственность за свое будущее перед Богом и своей историей.

Каждая строчка этой прозы – это отзвук великих судеб: Сергия Радонежского, Александра Невского, Евпатия Коловрата, новомучеников XX века. И это память о тех, кто гибнет сегодня в окопах СВО.

Без Бога история человечества – это хаос и бессмыслица. Сегодня – время судьбоносных решений. И каждый из нас в ответе за будущее.

На пространстве нашей необъятной Родины живут народы, которые не считают себя лучше других. Но у них есть главное качество народа Божьего – это смирение. Они надеются на Бога. В этом их сила!

Сергей Ерёмченко

Глава 1. Ангел

Мраморный царь будет спать до тех пор, пока не придет время...
Из преданий

Великий дука Византии Лука Нотара никак не мог понять, что же произошло в этот последний момент. Они стояли на крепостных стенах со своим императором в окружении личной стражи. Прошедшие вместе бок о бок не одно сражение, хладнокровно смотрели на разворачивающийся внизу последний бой за их город, их империю, их веру.

К войне готовились задолго, понимая ее неизбежность. В 1451 году были разосланы послы ко всем потенциальным союзникам, правителям христианских государств. Сторонники унии, заключая договор с римским папой Николаем V, просчитались. Он не имел того влияния на западных королей, на которое рассчитывали византийцы. Англия и Франция воевали между собой. Венгры были истощены сражениями с османами, а Венеция заняла двойственную позицию и не хотела действовать совместно с главным конкурентом – Генуей. Сама Генуя официально объявила о своем нейтралитете. Далекое Московское княжество с недоверием относилось к Византии после подписания унии, да и власть Орды железной удавкой висела на шее у князя Василия Темного

По зову сердца на помощь пришел только Джованни Джустиниани, искусный генуэзский военачальник, немало преуспевший в защите крепостей. Он привел с собой всего семьсот воинов: четыреста из Генуи и триста с Родоса. В итоге все обещали помочь, но на деле стопятидесяти тысячной турецкой армии противостояла лишь восьмитысячная горстка смельчаков.

Кир Константин, будучи опытным и мудрым полководцем, хорошо подготовил город и его немногочисленный гарнизон. Запасы продовольствия и оружия, а также крепкие стены позволяли выдержать долгую осаду значительно превосходящих по численности сил. Самое уязвимое место – залив Золотой Рог – было перегорожено цепью, препятствующей проходу судов.

Одного только они не предусмотрели. Прорвавшиеся янычары хлынули стремительным потоком в пролом в стене рядом с Золотыми воротами, образовавшийся в результате ударов огромных ядер невиданной доселе бомбарды, прозванной «Базиликой». Неудержимо сметали захватчики на своем пути истощенных двухмесячной осадой малочисленных византийских солдат.

«Они как полноводная горная река, вышедшая из берегов, только вместо бревен и веток оставляют за собой на улицах великого города истерзанные окровавленные тела», – в голове Луки мелькнула мысль.

Его друг и господин Константин XI Палеолог взял щит, бряцая доспехами. Драгаш по матери, как он сам любил себя называть, высокий и статный, поманил коротким кивком к себе. Нотара, сделав шаг, привычно склонил голову.

– Уходи к пристаням, там ждет корабль, узнаешь по красным парусам, – приказал он, протягивая перевязанное кожаным шнуром личное послание.

– Отвезешь в Крымскую Готию, монастырь Саввы Освященного, близ деревни Мармара. Передашь монаху, зовут Антоний.

Не успев спросить, а как же вы, Нотара уже получил ответ. Константин бросил сквозь зубы:

– Это мой город, я остаюсь!

Лука, зная, что перечить бесполезно, обреченно сунул послание в дорожную кожаную сумку и, не прощаясь, сделал пару шагов назад. Стражи сомкнули ряды вокруг, похоже, уже последнего Василевса Византийской империи и ринулись по лестнице вниз навстречу врагам, повинаясь властному жесту императора. Константин, поправив щит в руке, другой вытащил меч из ножен и, громыхая доспехами, не оглядываясь, побежал следом.

Но что может сделать маленький камушек разъяренному горному потоку? Лавина османов, не особо задерживаясь, обтекла последних тесно сгрудившихся вокруг Константина ромеев, часть взяла их в кольцо, другая продолжила неотвратимое движение, растекаясь по улицам уже беззащитного города.

То один, то другой из немногочисленных преданных воинов падали, обагрив кровью родную землю. Так вода точит камень, только ей требуются тысячелетия, но сейчас же все происходило прямо на глазах у побледневшего Луки. А он все никак не мог заставить себя уйти, стоял и смотрел, теряя драгоценные секунды.

Когда император остался один, в пролом въехала турецкая конница, и пешие янычары расступились. К Константину медленно приближался всадник, слегка обнажив из пурпурных ножен изогнутую саблю с рукоятью, отделанной слоновой костью. Мехмеда II великий дука знал в лицо. Нотара несколько раз приезжал в Эдирне с дипломатической миссией по распоряжению человека, стоявшего теперь внизу в одиночестве перед толпой врагов. Будучи противником флорентийской унии с римской церковью, в разговорах с высшим духовенством на Константинопольском соборе Лука сказал:

– Лучше увидеть среди города царствующую турецкую чалму, чем латинскую тиару.

И вот произнесенные в пылу спора всего два года назад слова стали реальностью. Но император, прозванный простым народом Драконом за храбрость и мужество, вел себя очень странно. В доспехах, измазанных то ли своей, то ли чужой кровью, широко расставив ноги, опустил щит на землю и оперся на меч, как будто не видел нависающей над ним смерти. На лице блуждала неуместная улыбка, взгляд был устремлен куда-то вдаль, сквозь ряды стоящих рядом извечных врагов.

Через дым пожарищ, охватывающих город, пробились лучи солнца. Всадник на бледном коне тронул поводья, криво усмехаясь, принимая за слабость или покорность позу императора, и занес блеснувшую на солнце, не знающую пощады, саблю. Но за мгновение до того, как безжалостная сталь должна была обезглавить беззащитного Константина, вдруг возникла яркая

вспышка света, бьющая по глазам, и все присутствующие отчетливо услышали звук, напоминающий хлопанье крыльев. Он был таким громким, что на мгновение заглушил крики и звон оружия. Последний император Византии исчез, словно растворился, а клинок сабли со свистом рассек лишь воздух.

Лука, накинув на плечи черный плащ, отороченный мехом соболя, бросил последний взгляд на место, где только что стоял Константин. Он не мог понять, что это было – спасение или проклятие? Но одно он знал точно: император не погиб, не мог погибнуть так...

С этими мыслями Нотара перемахнул через парапет и бегом направился в порт, к еще не захваченным пристаням, где ждал генуэзский корабль.

Глава 2. Третья

*В пыльных списках тайных мирозданий,
В темных переулках чьих-то снов
У судьбы, не зная сострадания,
Вымолить тебя я был готов.*

Этой летней ночью ей не спалось. Тревога была разлита в сумерках, в вечернем воздухе, в шуме леса, в облаках, быстро бегущих по небу. Свет луны тяжелым потоком падал на землю, играя зыбкими тенями колышущихся на ветру деревенских яблонь. Скрипы, шорохи наполняли ночь, словно сама земля-матушка не могла заснуть и, кряхтя, жаловалась на свой почтенный возраст. А висевшие над крыльцом пучки сохнувших трав шелестели ей в ответ.

В доме ведуньи царила полутьма. Всегда, даже летом, горевший в каменном очаге бросал причудливые тени. Они то замирали, то вновь оживали, отплясывая на грубо отесанных бревнах избы особый, таинственный танец. Стены были увешаны полками с оберегами. Здесь же стояли глиняные горшки и кувшины. В одних хранились целебные отвары, в других – порошки и мази от разных хворей. Запах трав, смешиваясь с ароматом дыма и смолы, наполнял пространство. В углу, где на старом деревянном столе в беспорядке стояли ступки, лежала книга в выцветшей от времени обложке. Ее поблекшие страницы хранили знания нескольких поколений знахарок: рецепты настоек, заговоры-шепотки, рисунки лечебных корней и растений.

Непонятное, будоражащее душу смутное чувство оформилось в зов. Она, всегда тонко ощущавшая окружающий ее мир, поняла, что время на исходе. Лес – друг и учитель, будто звал ее по имени, манил...

Ведунья решительно скинула на пол укрывавшую ноги шкуру медведя и поднялась с деревянного топчана. Средних лет, невысокая. Гибкая фигура, словно выточенная из дерева, дышала силой и спокойствием. Защитные руны, покрывавшие лоб, виски и скулы, казались вплавленными в кожу. Эти знаки иногда мерцали, напоминая о ее связи с древними силами, которые она умела призывать и укрощать.

Рукава платья из грубого льна были оторочены коричневой лентой. Горчичного цвета накидка со шнуровкой на поясе, а на шее – светло-зеленый платок. Плечи украшали заячьи шкурки. Длинные, чуть всклокоченные темные волосы прорезаны двумя седыми прядями.

Но самым примечательным в ее облике были глаза. Пронзительно-голубые, как небо в ясный зимний день, будто подсвеченные изнутри, они жили своей, особенной жизнью. То казалось, что в их глубине разгоралось пламя, и языки синего огня вырывались наружу всполохами и искрами. То вдруг налетала вьюга, и промозглая стужа рисовала загадочный ледяной узор, покрывая радужку изящным орнаментом инея. А между этими двумя стихиями – огнем и льдом – иногда проступал третий образ: темная бездна. Словно в южном ночном небе, усыпанном бриллиантами звезд, происходила вселенская катастрофа. Черная дыра, как живое существо, разрасталась, поглощая галактики на своем пути и оставляя за собой лишь мрачное ничто.

И эти изменения с калейдоскопической быстротой сменяли друг друга. Может быть, именно поэтому люди в деревне относились к ней с почтением и страхом. Одни шли за помощью, другие обходили стороной, боясь ее взгляда. Но все знали: если в доме беда, если болезнь или несчастье, только она сможет помочь.

Ведунья шла по едва заметной тропинке среди деревьев, осторожно ступая по влажной земле. Полы платья и кожаные сапоги быстро пропитывались влагой ночного леса. Путь освещал свет луны, пробивавшийся сквозь густую листву. Вдали послышался шум падающей воды.

После недолгого подъема открылось величественное ущелье. Мощный поток низвергался с высоты, и белая пелена, словно завеса, скрывала за собой вход в пещеру. Ведунья никогда прежде здесь не была, хотя и хорошо знала эти места. Без страха она шагнула к водной преграде и оказалась внутри, ее глаза постепенно привыкали к полумраку.

Прямо перед ней стоял высокий мужчина, в коричневом до пола плаще с зеленым подбоем. Длинная седая борода перехвачена шнурочком. Рассыпанные по плечам волосы прикрыты вязаной шапочкой. Лицо было в тени, но глаза поблескивали в полутьме. Ведунья подошла ближе. Стены пещеры изрезаны странными символами: кругами, треугольниками и рунами. Эти знаки светились мягким светом, и она смогла внимательнее разглядеть незнакомца. Он был частью этой земли, словно вырос из ее недр.

– Ты знаешь, что сюда идет зло? – казалось, что голос звучал внутри ее сознания.

Ведунья кивнула. Мужчина жестом предложил ей следовать за ним. В центре пещеры стоял массивный каменный стол с ретортами, тиглями, разноцветными склянками и запыленными манускриптами. Рядом – чернильница с гусиным пером. Стол был заставлен восковыми свечами, от которых исходил золотистый свет, играющий на стенах. Между свитками и инструментами разложены переливающиеся самоцветы и прозрачные кристаллы. В центре выделялась крупная металлическая чаша, отражавшая отблеск этих магических камней и словно собирающая всю силу этого места.

– Зачем им наша деревня? – тихо спросила она.

Он взял склянку с оранжевым раствором и вылил в чашу, из которой сразу повалил белый дым.

– Смотри!

Ведунья осторожно склонилась над каменным столом. Свет от восковых свечей мягко мерцал, отражаясь на гладкой поверхности чаши. Дым постепенно рассеивался, и в темной жидкости внутри, в ее глубинах, начала проступать картина. Перед глазами возникла родная деревня Срединные Земли. Она видела все с высоты птичьего полета. Маленькие домики,

покрытые соломой, стояли в окружении зеленых лесов и возделанных полей. Вся земля вокруг дышала спокойствием и гармонией. Затем ее взгляд проник глубже, под землю. Там билось нечто огромное и живое.

– Это сердце мира, – пояснил алхимик.

Сердце, сотканное из сияющей энергии, пульсировало с неукротимой силой, и каждый его удар был подобен ритму самой жизни. По земле расходились волны мягкого света, поддерживающего порядок. Эти импульсы сохраняли гармонию, удерживая тьму и разрушение. Она поняла, что Срединные Земли – это не просто деревня.

– Сердце – сущность этого мира? Его душа, совесть и вера? – Ведунья подняла глаза, и алхимик кивнул в ответ.

– Кто овладеет Срединными Землями, тот будет править всем миром. Поэтому Люди с Островов идут сюда. И их власть принесет только разрушение и смерть.

– Как предотвратить это?

Глаза алхимика вспыхнули огнем. Он указал на развернутый перед ним старый потемневший пергамент. Там среди ломаных линий и знаков, переплетенных в сложный узор, смутно вырисовывался девичий силуэт.

– Только она сможет защитить Срединные Земли. – Тени пробежали по столу, чернила вспыхнули красным жаром, а из самого центра раздалось тихое, едва уловимое биение.

– Она – воплощение будущего, которое остановит разрушение, – произнёс алхимик.

– Девочка? – Ведунья нахмурилась. Мерцающий контур на пергаменте, казалось, жил своей жизнью и отблески отразились в ее зрачках – то ли страхом, то ли предчувствием.

– Могущество заключается не в железе и не в крови. А она не просто девочка. Она станет Третьей. Первая пала под тяжестью гордыни, Вторая – под ударами врагов, но Третья... Третья придет с крестом. Она станет мостом между тем, что было, и тем, что будет. Между пеплом прошлого и светом будущего, – его слова заполнили все пространство пещеры.

Ведунья молчала, ее пронзительно-голубые глаза сузились, словно она пыталась разглядеть то, что пока скрыто. А он продолжал, и каждое слово падало, как камень в воду, создавая круги на зеркальной поверхности:

– Первая несла знамя, Вторая – меч. Третья понесет крест. Не тот, что на стенах храмов, а тот, что в сердце. Она станет тем, кто соберет осколки разбитого мира. Не силой, не страхом. А верой, которая крепче стали и тверже гранита.

Он сделал паузу, и в пещере стало тихо. Было слышно, как вдалеке капает вода.

– Третья – это не имя, не титул. Это судьба. Судьба, которая уже написана, но еще не прочитана. Она – последний светоч, зажженный перед тем, как тьма окончательно стуситится. И если этот свет погаснет... – он не договорил, но Ведунья поняла.

Она вздохнула:

– Значит, это не просто девочка. Это надежда. Надежда, которая приходит, когда кажется, что надеяться уже не на что.

– Да, – ответил он. – И именно поэтому ей предстоит трудный путь. Ибо ноша ее – не только крест, но и вся тяжесть мира, который рушится. И она будет этот мир удерживать.

Ведунья молчала, и ее взгляд устремился куда-то вдаль:

– Ты говоришь так, словно все уже предрешено. Но что, если она не справится? Что, если зло окажется сильнее? Что, если хаос поглотит ее, как поглотил столько до нее?

Он подошел к ней ближе, его голос стал тверже:

– Тогда мир погрузится во тьму. Третья – последний шанс для всех. И если она падет, то вместе с ней падет все, что мы знаем, все, что мы любим. Четвертой не будет. И хаос и зло станут единственными правителями этого мира.

В пещере воцарилась тишина. Оба знали, что слова сказаны, и теперь оставалось только ждать. Ждать, когда свет сразится с тьмой.

Глава 3. Волк

*Не бойся ничего, мальши,
Твой волк всегда с тобой.
Взлетаешь выше крыши,
Крадешься ты, как мышь,
Он будет за твоей спиной.*

В стае их было семеро взрослых и двое волчат-сеголеток. Матерый, серый вожак Одвин, со светлыми подпалинами, много повидавший на своем волчьем веку. Белый длинный шрам на брюхе, нывший в дождливую погоду, оставила бурая медведица-матуха, которая с годовалым медвежонком неизвестно как оказалась в их охотничьих владениях. Внезапно выскочила на тропу, когда гнали лося. Разъяренная мнимой угрозой детенышу, она сразу кинулась в драку, норовя распороть живот длинными, изогнутыми, как лезвие османского ятагана когтями. Он даже не успел предупредить оскалом верхней губы, присущим только ему, чтобы не лезла. И, не привыкший уступать, волк с ходу принял бой. Неизвестно, чем все обернулось, если бы не его волчица. Вера, преданный друг и товарищ, подставила плечо, как было уже не раз в их совместной жизни. В самый нужный момент отвлекла на себя медведицу. А дальше подросла остальная стая – и схватка закончилась за считанные минуты. Благо медвежонок успел забраться на осину и смешно лаял оттуда им вслед, а то бы и ему досталось. Жизнь в лесу – суровая штука и редко когда предоставляет выбор.

Рваную рану на задней ноге оставил вепрь. Волк не успел увернуться от клыков стремительно бросившегося на него стопятидесятикилограммового кабана-одиночки, уже взятого стаей в кольцо. Одвин перелетел от сильного удара через голову и каким-то чудом, как кошка, приземлился на лапы, тем самым спас свою жизнь. Оскар, переярок трех лет, кинувшись наперерез, повалил вепря на землю и впился в горло. Сзади Матерая вцепилась кабану в ногу, разорвав сухожилия, лишив того возможности убежать. Наелись до отвала, хотя мясо было жестковатое.

Порванные мышцы долго болели, пока срастались, заставляя Одвина прихрамывать. Поначалу он не мог сам охотиться, но сородичи не подвели. Возвращаясь с удачной охоты, то один, то другой волк отрыгивал принесенную в желудке неперевавленную пищу, заботясь о своем вожаке. Кто ж его знает, какие мысли были у них там, в их серых лобастых головах, тогда? Свои телепатические способности волки используют, когда готовятся к охоте, и идет распределение ролей в предстоящей совместной работе. А так чужая душа – потемки.

Иногда на привале или уже засыпая на рассвете на лежке, он любил вспоминать, как встретил свою волчицу. Мысли оживали перед внутренним взором и плавно перетекали в сны. В один из мартовских вечеров не по летам самостоятельный двухгодовалый Одвин решил, что с него хватит и пора подаваться на вольные хлеба. Напоследок подошел к матери, чтобы получить напутствие на дорожку. А та, почуяв, что он задумал, скрепя сердце на прощание лишь лизнула в нос своего бедового сына.

Суровый отец-волк стоял в отдалении на пригорке, встретились взглядами в последний раз, пристально посмотрели друг на друга. Одвин, как всегда, первый отвел глаза, услышав его наставление:

– Теперь, ты один, сын.

Провыв остальным сородичам: «Прощайтесь» – и получив в ответ от братьев и сестер: «И вам не хворать», молодой волк рванул в чащу. Свобода пьянила и пугала одновременно.

Одинокая жизнь в весеннем лесу оказалась не сахар. Нужно было отыскать не занятый другой волчьей стаей участок, пометить свои новые владения, дабы отвадить непрошенных

гостей. Исследовать все тропы, места водопоя и кормежки других обитателей леса. Найти удобные и защищенные от посторонних глаз и ушей убежища для дневного отдыха и сна. Охота в одиночку сильно отличалась от добычи пищи в стае. Но смысленный и полный сил волк справился со всеми стоявшими перед ним вызовами. Сама погоня туманила мозг, первобытная жажда крови, данная ему природой от рождения, неутомимо гнала и гнала вперед, благо пищи в лесу этой весной было в достатке. По ночам его предки голосами инстинкта шептали ему: «Не вой, пока один. Это опасно!»

Но кто в юности прислушивается к советам старших? Молодой волк задорно выл, а его вой на казавшихся бескрайними просторах звучал и как жалоба на конечность своего земного бытия, и как вызов всему миру одновременно. Вот он и довылся.

На границе тени от деревьев и лунного света, залившего молоком весь лес этой ночью, показался стройный силуэт белой волчицы. Словно сотканная из этих самых лунных лучиков, она с интересом и вызовом глядела в его сторону. Подкравшись с наветренной стороны, незнакомка осталась незамеченной для Одвина. Вся ее поза как будто говорила: «Ну и чего ты воешь, красавчик?»

Легкий ветерок медленно развернулся, и чуть опешивший от внезапности волк наконец учуял ее. Вера пахла ранним морозным утром в зимнем лесу, ветки которого испещрены краснотрудными снегирями; подснежниками, выглядывающими из-под тающего ноздреватого снега; прозрачной талой водой и звонкими ручейками; весенней капелью и брызгами лесного водопада. Ее запах напоминал Одвину о полуденном летнем мареве и парящем высоко в небе хищном силуэте беркута; шептал об охряной осени с волшебными туманами, когда прелый аромат опадающей листвы смешивается с дождинками. И еще волк едва уловимо чувствовал исходящее от нее так любимое им сочетание опасности и игры. Одвин мотнул головой, пытаясь стряхнуть наваждение, и двинулся ей навстречу. В животе грозного хищника порхали бабочки.

Глава 4. Монах

*Ночь поможет обрести
Мне покой и странный сон,
Сон, и, словно в забыты,
Таю в нем.*

Антоний забылся тяжелым сном после ночной молитвы только под утро. Сон приснился престранный. В центральном соборе Константинополя, в котором он был еще в юности, идет божественная литургия:

– ...Се бо прииде Крестом радость всему миру. Всегда благословяще Господа, поем Воскресение Его. Распятие бо претерпев, смертью смерть разруши.

Высокий купол, обрамленный поясом из сорока арочных окон, казалось, парит в небе, отдельно от здания. А он и вправду держится только на золотой цепи, спускающейся прямо с неба, – чудится Антонию.

Стены, покрытые мрамором, сияют всеми оттенками: от глубокого зеленого до розового, создавая ощущение бесконечности. Знаменитые колонны Айя-Софии, устремленные ввысь, словно колышутся в призрачном свете свечей и дымке ладана. Лики Христа, Богородицы, архангела Гавриила на золотых мозаиках пристально наблюдают за собравшимися, и их взгляды проникают прямо в душу. Громада творения рук человеческих, непонятно как создавших это величие, рождающая ощущение выхода за пределы материального мира.

В центре, перед иконостасом – вне времени и пространства, вне хаоса и порядка — стоит священник. Его подризник из белого шелка едва слышно шуршит по гладкому мраморному полу. Епитрахиль, украшающая грудь, расшита тончайшим золотым шитьем – кресты и лозы винограда символизируют причастие. Величественная золотая фелонь с тяжелым узором обрамлена темно-красным бархатом, напоминающим о пролитой крови мучеников за веру. Вышитые на ней кресты и ангелы, будто живые стражи, хранят иерея Божьего от зла. Митра на голове богато украшена золотом, бисером и драгоценными камнями. Свечи мерцают, и тени на стенах Айя-Софии становятся длиннее. И Антоний чувствует, как сжимается время, готовое оборваться.

В храме полно народу: старики, женщины и дети – лица заплаканные, испуганные. Слова литургии заполняют пространство. Голос священника, пропитанный верой, звучит глубоко и размеренно. Он призывает к Богу, к ангелам, к спасению. И к миру, которого больше нет. Верующие, стоящие на коленях, поднимают свои взгляды к алтарю. Ладан струится вверх, обволакивая колонны, проникая в своды. Воздух в храме словно соткан из молитв и надежд на чудо. Ведь Господь не оставляет своих, даже когда стены столицы сотрясаются под ударами пушек и мечей.

Антоний видит, как священник со Святыми Дарами входит на амвон, и в этот самый момент вдруг рушатся императорские ворота храма. А часть стены разверзается и укрывает служителя Божьего. И тот продолжает молиться, как ни в чем не бывало, сквозь камень еле слышно доносится его голос.

Лицо исказилось гримасой, и монах резко открыл глаза, проснувшись, будто вынырнул из холодной горной речки. Уставившись в каменный потолок своей кельи, поводит взглядом по сторонам:

– Приснится же такое!

Нащупал рукой напрестольный крест, лежащий рядом на приступке, заботливо вырубленном в скале его предшественниками. Испил родниковой воды, заранее налитой с вечера в деревянный кувшин, и перекрестился.

В абсолютной тишине над Крымской Готией всходило солнце, заливая светом окрестные горные вершины и долину внизу. Узкая тропа, ведущая мимо поклонного креста к монастырю, была в клочьях тумана, постепенно таявшего в лучах восходящего светила. Деревья, истосковавшие за ночь по теплу, жадно тянули руки-ветви навстречу солнцу.

В это раннее весеннее утро через округлое, прорубленное в скале окно келья постепенно наполнялась дыханием нового дня. Антоний, с лицом аскета, средних лет, худой, жилистый, словно выточенный из камня, степенно поднялся. Спал монах на соломе, постеленной на каменный пол, предусмотрительно покрытый грубой домотканой дерюгой. Вместо подушки – сноп сена, обернутый мешковиной. В углу стоял деревянный посох, тесанный вручную, отполированный временем и руками отшельника. Его босые ноги, огрубевшие, покрытые мозолями, были привычны и к холоду-жаре, и к острым камням. Темная ряса, с аккуратными заплатками на локтях, повидавшая множество холодных зим и жарких лет, давно потеряла свой первоначальный вид.

Он подошел к краю скалы, где на каменном парапете-бортике стояла кадка, снял потертую скуфью с головы и зачерпнул ладонями прохладную дождевую воду. Плеснул на лицо, улыбнулся, и уголки карих глаз покрыла паутина тонких морщинок. Крупные капли посеребрили черную бороду, лишь слегка припорошенную сединой. Пригладил длинные распущенные волосы цвета воронова крыла, перепоясался пеньковой веревкой и пошел в пещерный храм к иконе Николая Мирликийского молиться. Наступило утро 29 мая 1453 года.

Глава 5. Врач

Каждый пред Богом наг.

Жалок, наг и убог.

В каждой музыке Бах,

В каждом из нас Бог.

И. Бродский

Он шел к записи этого альбома всю свою жизнь, сам того не осознавая. Не имея особого таланта и не получив даже начального музыкального образования. Музыкой увлекся в десятом классе, как это часто бывает у «вьюношей бледных со взором горящим». Под руку с этой страстью шли половое созревание, гормональная перестройка и эмоциональная неустойчивость. От старшего брата пришло понимание, что The Beatles и Deep Purple – это хорошо, а ABBA и Boney M – не очень.

Вскоре в школе создали группу, и Алексей занял вакантное место бас-гитариста. Не за красивые голубые глаза и отличные отметки, а только лишь потому, что являлся счастливым обладателем потрясающей болгарской бас-гитары «Орфей». Бордовая скрипичной формы полуакустика тоже перешла по наследству от старшего брата. Играть в ансамбле особо никто не умел, за исключением клавишника. И первой музыкальной композицией, выбранной для исполнения, стала – «Бродячие артисты» ВИА «Весёлые ребята». В группе все понимали, что это не то, что нужно. Но необходимость втереться в доверие к директору и завучу по внеклассной работе брала верх над их пониманием прекрасного – суровый урок конформизма они сдали на твердую пятерку.

В течение года немного поработали над правильным репертуаром, и на выпускном успели сыграть пару рок-песен из репертуара группы «Крузиз». Едва начавшийся концерт, несмотря на отличный прием благодарной и разгоряченной публики в лице одноклассников, был грубо остановлен так некстати появившейся Оксаной Петровной, той самой заведующей учебной частью школы. Ну и, как полагалось, не обошлось без вызова родителей к директору и всяческих административных взысканий.

Под влиянием юношеского максимализма и примера старшего брата, работавшего урологом в городской больнице, местом учебы стал медицинский вуз. Студенческие годы пролетели в грезах о карьере рок-звезды, а не о стетоскопах и анатомичке. И в стенах учебного заведения родилась группа, которая хоть и не дотягивала до мировых стандартов, но уже могла похвастаться полупрофессиональным составом. Было дано несколько концертов. Репертуар, состоящий из песен собственного сочинения, вызывал бурю эмоций у однокурсников и случайных слушателей. В общем, медицина могла подождать, пока в душе звучал рок-н-ролл!

Ну а дальше, вдруг наступила взрослая пора, и, как это бывает почти у всех подобных творческих коллективов, участники занялись обустройством своей карьеры и личной жизни. Один открыл магазин по продаже запчастей. Другой женился, и ему стало резко не до музыки. Третий поступил в институт культуры и уехал из города. И Алексей остался не у дел. Пришлось принять жесткие условия этого материального мира и начать играть по его правилам. Осваивать профессию хирурга в ординатуре, искать место работы. В стране была непростая ситуация, и небольшой заработок позволял едва сводить концы с концами. Он решил продать гитару и оборудование в надежде на скорое наступление лучших времен. Но эти самые лучшие времена почему-то не спешили с приходом.

Ее величество музыка заняла весьма скромное место в жизни в виде альбомов любимых исполнителей и редких посещений концертов, от которых оставались весьма неоднозначные чувства. Радость сопричастности великому таинству соседствовала с чувством горечи от неис-

полненного дела. В голову лезли грустные мысли: «Вот бы мне сочинить и исполнить свою композицию». Хотелось, чтобы эта музыка просияла неземной красотой и заставила сердца трепетать и биться о темницу ребер, стремясь вырваться наружу. Словно в черно-белом городе с хмурым небом и серым асфальтом, художник нарисует яркую колибри, неизвестно откуда и как залетевшую в эти каменные джунгли. Чтобы слушатели замерли на мгновение и не смогли стать больше прежними.

Но шло время, растворяясь в иллюзорной дымке повседневности, забот и ежедневной рутины. И мечта постепенно стала забываться! Он потихоньку перестал верить в то, что это возможно. Сказал себе, что пора остепениться, оставить глупую затею. Спрятать ее в ящик вместе с плюшевыми игрушками, бумажным змеем и солдатиками. И жить дальше, как будто этого никогда не было. В общем, скучно взрослеть. Большого таланта все равно нет, и быть посредственным исполнителем не очень хотелось.

Но, оказывается, его мечта думала иначе. И не собиралась вечно пылиться в закоулках разума, значиться в тайных списках несбывшихся надежд и невоплощенных желаний. Давным-давно зажженная искра тлела крохотным огоньком где-то в темных лабиринтах синапсов подсознания, чтобы однажды разгореться с новой силой. Вспыхнуть сверхновой звездой, яркой кометой прочертить ночное небо, рассыпая цветы пламени и сжигая все на своем пути.

Глава 6. Speranza

*Мои мысли – не ваши мысли,
Ни ваши пути – пути Мои,
говорит Господь.*

Книга пророка Исаи (55:8)

Лука Нотара тяжелой поступью шел по улицам родного города и не узнавал знакомые с детства места. Его шаги глухо отдавались эхом на безлюдных улицах Константинополя. Часть простых жителей, зная, собравшихся вчера на вечернюю службу в Айя-Софии, так и остались там, ища помощи и защиты у Господа. Некоторые прятались в своих домах или местных храмах. О том, что с ними будет, Лука старался не думать. Он выполнит приказ любой ценой. Звуки ворвавшегося в его город хаоса больно отзывались в груди, постепенно приближаясь. Звнящую тишину нарушали отдаленные крики, звон оружия, треск горящих зданий. Ветер войны нес запах гари все ближе и ближе. Город, который был когда-то сердцем великой империи, умирал в огне и крови. Небо, застланное дымом пожаров, отражало зарево, словно горело вместе с Константинополем.

Задача была непростой, но он с ней справится, чего бы это ни стоило – нужно было пройти незамеченным через весь город, к порту Контоскалион у Мраморного моря. Его путь лежал с севера на юг, от ворот святого Романа, расположенных в долине реки Ликос, снабжавшей водой Константинополь. Император со своим отрядом неслучайно защищал этот участок лично. Казавшиеся неприступными крепостные стены подверглись наибольшему урону из-за непрерывающихся артиллерийских ударов османских пушек.

Возведенные в V веке при императоре Феодосии II, они выдержали многочисленные осады, видели персов и арабов, болгар и русичей, османов и крестоносцев. Феодосийские стены тянулись от Мраморного моря до Золотого Рога, как исполинский щит, защищая город с суши от множества армий на протяжении веков. Сложная инженерная конструкция состояла из наружной стены высотой девять и шириной до двух метров. Этот барьер врагам прихо-

дилось преодолевать прежде, чем они могли приблизиться к главной линии обороны. Через каждые шестьдесят метров располагались башни – грозные, квадратные, они возвышались над стеной и позволяли защитникам вести огонь по наступающим противникам, осыпая их стрелами, копьями и обливая кипящим маслом. Башни были связаны подземными переходами и скрытыми ходами, что давало возможность быстро перемещаться, оставаясь невидимыми для врага. Внутренняя главная стена высотой четырнадцать метров – настоящий бастион. Толщина, доходившая до шести метров, делала ее неприступной для осадных машин. Она тоже – с башнями: массивными, высокими и угрожающими, каждая из которых становилась миниатюрной крепостью при осаде.

Стены разделены между собой пространством периболоса – широкой дорожкой. По ней в любой момент можно было перебросить резервы или организовать новую линию обороны, если враг все же преодолевал наружную стену. Перед внешней стеной тянулся глубокий ров шириной до двадцати метров и глубиной около шести. Наполненный водой, он превращался в непреодолимое препятствие для осадных машин и пеших войск.

Стены были символом величия и несокрушимости Византии, ее духом, ее плотью. Они казались неприступными и вечными, словно сама гордая империя. И теперь эти стены, как и сама империя, пали!

Нотара должен пробраться из обреченного города к гавани и достичь генуэзского корабля, который ждал его, готовый отплыть. Улицы, некогда полные жизни, теперь стали пустыни. Двери домов распахнуты, окна выбиты. Он знал, что его шанс – двигаться быстро и избегать столкновений с турецкими отрядами. Фактор времени решал все.

Путь его пролегал через Месу – главную улицу. Нотара пересек Форум Константина – сердце столицы, где в обычные дни собирались толпы народа. Теперь здесь царило безмолвие. Ветер, наполненный пеплом, поднял облака пыли. Проходя мимо Великого дворца – символа власти и славы Византийской империи, Лука задержался на мгновение, чтобы перевести дыхание. Но крики за его спиной напомнили, что время не ждет. Турки продвигались все дальше в глубь города.

Нотара миновал Хору – монастырь, украшенный прекрасными византийскими фресками и мозаиками. Двигаясь вдоль древних акведуков, которые, словно артерии, тянулись через весь город, Лука приблизился к центру, пересекая улицы, ведущие к храму Святой Софии. Его купол возвышался на горизонте, все еще величественный.

Чем ближе он подходил к гавани, тем опаснее становилось. В районах, прилегающих к южным стенам города, турецкие отряды уже прочесывали улицы, охотясь на беглецов и остатки сопротивления. Несколько раз пришлось прятаться в переулках, замирая, когда были слышны приближающиеся шаги. Сердце разрывалось между воинским долгом и последней волей императора.

Благополучно пробравшись по пустынным улицам Константинополя, Нотара наконец вышел к берегу Мраморного моря, где перед ним раскинулся Контоскалион. Один из крупнейших портов, некогда шумный и кипящий жизнью, теперь казался погруженным в тревожное молчание. По всей гавани были разбросаны небольшие рыбацкие лодки и торговые суда, обычно занятые поставкой товаров или рыбы на рынок. Некоторые из них все еще качались на волнах, другие – выброшены на берег с проломленными корпусами. В северной части порта находились верфи и мастерские, где когда-то кипела работа и трудились плотники. Лука прошел мимо недостроенных кораблей. В тени одной из верфей валялся ржавый якорь, полузарытый в песок.

Контоскалион, некогда сердце морской торговли столицы, казался призраком своего прошлого. Длинные каменные причалы с деревянными лебедками, использовавшиеся для погрузки торговых кораблей, теперь стояли без дела. Большая часть из них была разрушена ударами пушек с турецких галер, осаждавших город с моря. Однако несколько уцелевших при-

станей все еще сохраняли свой прежний вид. Генуэзская фелука стояла у самого дальнего причала, ее ярко-красные паруса развевались на ветру.

Лука, собрав последние силы, бросился вперед. Капитан, заметив его, поманил рукой и отдал команду матросам отчаливать. Нотара одним движением перемахнул через борт с названием «Speranza», тяжело приземлившись на скрипнувшие доски палубы.

Корабль начал отходить от берега, и Лука, оглянувшись, увидел, как Константинополь медленно исчезает в дыму и огне. Гавань Контоскалион таяла в дымке, а вместе с ней – вся его жизнь. Вечерело, море казалось бескрайним и спокойным по сравнению с хаосом там, позади.

Перед ними стояла непростая задача – пройти пролив Босфор, контролируемый турками.

Глава 7. Главный ингредиент

*В лабиринтах разочарований
Медленно стекает на пол воск,
В тигеле отчаянных желаний
Плавил золото твоих волос.*

Они понимали, что их время истекает. Мрак над Срединными Землями стужался. Непроницаемая, тяжелая тьма коршуном падала с неба. На окраине деревни перед входом в дом ведуньи потрескивали факелы, полотно с защитной руной колыхалось на ветру.

Алхимик стоял у деревянного стола, заваленного пыльными свитками и склянками. Вокруг тлели благовония, запах трав смешивался с горьковатым ароматом смол. Их лица освещались отблесками огня, горевшего в очаге. На середине стола возвышался плавильный тигель. Его чугунные ножки и основание были оплетены жгутами энергии, струящейся прямо из сердца мира, что билось глубоко под землей. Белые потоки пульсировали, сжимаясь и расширяясь в такт ударам сердца. Стенки котла искрились едва заметным изменяющимся узором. Алхимик в который раз с мрачным упорством смешал в колбе несколько капель янтарной эссенции с пылью драконьего корня и легким движением руки плеснул в тигель. На мгновение взметнулось яркое пламя, озарив его лицо надеждой. Однако, едва успев заиграть алыми языками, огонь снова угас, оставив лишь тихое шипение и дымок. Алхимик тяжело вздохнул, потер лоб – его ладонь была иссечена полосками от старых ожогов. Ведунья, стоявшая рядом, бросила на него взгляд – она понимала, что попыток у них осталось совсем немного.

Люди с Островов приближались. Чувствовалось, как от их тяжелой поступи подрагивала земля. Впереди шли воины в доспехах, сверкающих темным серебром, покрытым паутиной тени с символами зверя. На поясах – длинные мечи с черными рукоятями, обтянутые кожей. Они – порождения тьмы – принесут в деревню смерть и ужас. Ничего не подозревающие жители спокойно спали, не догадываясь о страшной участи, которую готовила им судьба. Угроза разрасталась с каждым мгновением.

– Поспешите, старик, наше время заканчивается, – тихо произнесла она.

– Чего-то не хватает, – нахмурившись, пробормотал алхимик. Он поднял взгляд на ведунью. – Здесь нужен еще один ингредиент... Кажется, я понял.

Ведунья кивнула и решительно вышла за порог, надеясь выиграть несколько минут. Воздух вокруг нее наполнился могильным холодом, шипением змеи и хрустом костей. Факелы потухли. Люди тьмы были уже здесь – зло, не знающее сострадания. Сила их питалась страхом, ненавистью к свету и уверенностью в своей избранности. Падшие, низвергнутые с небес, они ковали свою власть над миром, высасывая саму суть жизни, лишая деревья корней, а реки – воды. Это была цепь, где каждое звено – еще одна потерянная душа, еще один народ, опустошенный и забывший самое себя. Люди с Островов пришли сюда с железной уверенностью в своем праве владеть, с абсолютным знанием, что морок и рабство – это истинная природа этого мира.

Глаза ведуньи сверкнули, порыв ветра взметнул ее волосы и полы одежды. Она медленно подняла свой жезл, взывая к силам, которые оберегали эти земли. И его луч разрезал тьму, что пыталась поглотить одинокую хранильницу деревни.

– Уходите, чужеземцы! – крикнула ведунья уверенно и властно. – Вы не пройдете!

Они подступили еще ближе.

– Не сопротивляйся. Это для вашего же блага, – их голоса напоминали шелест праха и яд гадюки.

– Вам не пройти!

Она почувствовала, как земля под ней прогнулась. Их присутствие нарушило саму ткань мира, искажая пространство вокруг. Ведунья прочертила жезлом линию перед собой, и стена огня разделила их. Но тьма была неудержима, люди с Островов шагнули через пламя.

И начался бой.

Воины тьмы ударили первыми – силой, что исходила из их крошечных душ. Мир вокруг завибрировал, яд растекся по земле, отравляя все живое. Но она не отступила и на каждый удар отвечала своим. Сначала – ветер, который отбросил их, словно листья, сорванные бурей. Потом пламя окружило врагов. Однако зло было неуязвимо для ее стихий. Черные мечи, налившиеся багровым светом, поглощали и ветер, и огонь. Ведунья знала, что не сможет их остановить. Но она отдала все, чтобы выиграть время и подарить миру надежду.

А тьма наконец-то обрушилась в полную силу. Эта смертельная волна проникла в каждый уголок ее тела. Сердце заледенело, а в кожу вонзились злые иглы снежной вьюги, вытягивая тепло и жизнь. Воздух вокруг стал густым, как патока и дышать стало нечем. Но в последний момент, перед смертью ведунья почувствовала, что алхимик успел добавить в плавильный котел тот самый заветный компонент. Это не было ни редким минералом, ни загадочным порошком, ни древним артефактом. Это было нечто большее. Оно не имело ни формы, ни цвета, ни запаха, но его присутствие меняло все вокруг. То, что связывало миры, то, что делало невозможное возможным – сила, которая преображала саму суть вещей и зажигала огонь в сердце, когда надежды уже не было.

Его дрожащие руки бросили в тигель человеческую веру!

И невидимые цепи, удерживающие реальность в ее привычных границах, вдруг пали. Эта плотная ткань, сотканная из законов времени, пространства и причинности, которая не позволяет миру распасться на части, с треском лопнула. Пространство словно сжалось, а затем расширилось, выпуская из своих глубин нечто. И тогда в воздухе возникло слабое свечение, будто солнце пробивалось сквозь толщу облаков. Свет пульсировал, как живое существо, и с каждым мгновением становился все ярче. В центре комнаты, на полу, из белесого тумана стала проявляться фигурка девочки.

Оковы бытия, ослабевшие на мгновение, позволили ей войти в этот мир. Она была как сон, ставший явью, как воспоминание, которое вдруг ожило. И хотя реальность уже начинала восстанавливаться, снова натягивая свои невидимые нити, девочка осталась здесь – живая, настоящая, словно всегда была частью этого мира.

Она, сотканная из несбывшихся надежд, капель и слез, как ни в чем не бывало открыла глаза и осмотрелась. Затем пошла к двери и ступила за порог. Холодный ветер коснулся ее щек, развевая светлые волосы. Но во взгляде не было ни страха, ни сомнений, только решимость. Девочка подняла руку, выставив ладонь вперед. Энергия, идущая из сердца мира, окутала хрупкий силуэт и пронзила окруживший ее бездонный мрак. Воздух дрогнул, тьма распалась, повеяло живительной ночной прохладой, и снова стало можно дышать.

А курносая девчонка, морщась от боли, посмотрела на обожженную ладошку, закатила глаза и грохнулась в обморок прямо на ступеньки дома ведуньи.

Глава 8. Ода радости

*Твой оберег, твой щит, твой меч,
В ночи стремительная тень.
От злых обид ненужных встреч,
Твой волк будет тебя беречь,
Из года в год, изо́ дня в день!*

Жизнь Одвина в лесу после появления белой волчицы изменилась. Он пытался примерять на себя те отношения, что видел между своими родителями, но получалось плохо. Они были будто из разных миров, и иногда ему казалось, что Вера и не волк вовсе.

Одвин уходил в лес на несколько дней, бродил по окрестным холмам, охотился. Ему хотелось побыть в одиночестве. Волк чувствовал: что-то важное ускользает от него, но что – не мог уловить. Но когда волчицы не было рядом, в груди появлялось странное чувство потери и страха. Словно из его мира вынули радость и взамен нее положили тоску.

Несколько раз он пробирался за границу своих охотничьих владений, тайком наблюдал за волчьей стаей, жившей по соседству. Однажды они его учуяли, и пришлось спасаться бегством. Хорошо, что бегать Одвин был мастак, и в тот раз повезло. Ведь нарушение границ в волчьем мире – серьезная провинность, и расплата за нее – смерть.

Когда он возвращался, Вера всегда была на месте, на их любимом лежбище в ельнике на горе. Наверное, чувствовала его приближение. Глядела одновременно настороженно и с вызовом, обнюхивала как бы невзначай. Видимо, удовлетворившись результатом, примиряюще толкала носом в шею, как будто хотела сказать: «Ну что, нагулялся, волк?»

А он стоял, внешне невозмутимый, стараясь не показать, что в сердце звучала музыка. Ее присутствие, ее взгляд, ее дыхание – все это складывалось в симфонию, которую он слышал только рядом с ней. Она была для него всем: судьбой, испытанием и наградой, неразгаданной бездной и ледяной стужей. Ветром, который можно почувствовать, но нельзя удержать. Звездой в небе, которую можно увидеть, но нельзя понять. Волчица не принадлежала ему, как не принадлежит никому лес, в котором они жили, или небо, под которым они спали. Она была свободной, и эта свобода была ее сутью. Вера олицетворяла тайну, которую не удалось постичь, – и с этим пришлось смириться. Она была огнем, манившим к себе, а он летел к нему доверчивым мотыльком. И это пламя согревало, но иногда больно ранило.

В эти моменты рядом с ней, внешне спокойный, но с бушующей музыкой внутри, волк знал: она – его судьба. И он примет ее. Потому что без нее не было бы ничего.

Когда появились волчата, Вера легко вписалась в новую роль матери. Ее движения стали более мягкими, а в глазах зажегся свет заботы. Она смотрела на своих детенышей с такой любовью, что Одвин порой ощущал себя лишним рядом с ними. Волчица вылизывала их шерсть до блеска, согревая своим теплом, когда ночи становились холодными. Она следила за каждым их движением, каждым звуком, который они издавали. Если один из волчат отползал слишком далеко, она мгновенно оказывалась рядом, аккуратно хватая его за загривок и возвращая в безопасное логово. Вера наблюдала за ними с безграничным терпением. Она позволяла им кусать ее за уши, хватать за хвост и даже взбираться на нее, как на гору. Но если игра становилась слишком шумной или опасной, она тихим, но твердым рыком возвращала порядок. Ее голос, обычно такой грозный, теперь звучал как мягкое предупреждение.

А иногда, глядя на своих волчат, Одвин задумывался о том, как они справятся в мире, полном опасностей. Вера, казалось, чувствовала это. Она подходила к нему, успокаивая его, как будто говоря: «Все хорошо. Все идет своим чередом».

Шло время, и Одвин стал учить щенков охотничьим премудростям. Он показывал им, как правильно идти по следу, различать запахи в лесу, где найти добычу и как незаметно подкрасться к ней. Однажды осенью Одвин привел их к широкой поляне, здесь пересекались следы зайцев и косуль. И волчата тут же оживились, принохиваясь, изучая каждую деталь. С любопытством зарывали носы в уже начавшую желтеть траву, а волк терпеливо следил за каждым их шагом, поправляя, если они ошибались.

Перезимовали в том году удачно. Окрепшие щенки познавали новый для себя мир, радовались выпавшему снегу. Как дети, резвились и скакали по укрывшему всю землю белому холодному покрывалу. Совали носы в пушистые сугробы, выдувая облачка пара, и все казалось им новым и необычным. Их лапы утопали в снегу, оставляя за собой следы, которые тут же скрывали падающие снежинки. Любопытство не знало границ: щенки то зарывались в сугробы, пытаясь поймать след мыши или зайца, то переворачивались на спину, стараясь почувствовать этот удивительный белый мир всем телом.

Одвин и Вера наблюдали за ними со стороны. Волк стоял на вершине холма, его серая фигура выделялась на фоне белоснежного ландшафта. Вера лежала неподалеку, лениво положив голову на лапы. Светлый мех почти сливался со снегом, и лишь блестящие глаза выдавали ее присутствие.

Жизнь стаи волков в лесу была похожа на величественную симфонию – грандиозную, полную контрастов, где в каждом мгновении ощущались и высокая трагедия, и глубокая драма, и кристальная надежда, и тихая грусть. В ней неизбежные удары судьбы переплетались со спокойствием и гармонией окружающего их леса. Охота и опасность сменялись проникновенным безмолвием лунной ночи, создавая единый поток, где радость и боль шли рука об руку.

И в этой великой песне жизни, в этой оде радости Вера была голосом, полным силы и нежности, а Одвин – дирижером. Они дополняли друг друга, как два начала, без которых симфония звучала бы не в полную мощь.

Глава 9. Меч или крест

*Стяжи дух мирен,
и тысячи вокруг тебя спасутся.*
Пр. Серафим Саровский

Воздух в пещерном храме был прохладным и влажным, пахло воском и камнем. Мерцающий свет лампад едва касался древних икон на стенах.

От храма вверх поднималась короткая каменная лестница с узкими ступенями неровной формы. Низкий, грубо вырубленный в серо-желтой скале проход освещался лучами солнца и заканчивался небольшой смотровой площадкой, которая вела в кладовую (или, по-монастырски, келарню). Последняя представляла собой помещение с высокими потолками, предназначенное для хранения продуктов. В углу стояли глиняные пифосы, прикрытые деревянными крышками. В них хранились запасы зерна, сушеные фрукты, сухари, питьевая вода и самое драгоценное – мед. Он поддерживал силы в долгие зимние месяцы. Рядом лежали пучки лекарственных трав – железница, бессмертник, зверобой, а в маленьких деревянных сундучках – соль и специи, привезенные из далеких земель.

Монастырь располагался на обрыве, а у подножия скал в долине реки ютилась маленькая деревня Мармара. Часть продуктов приносили ее жители, а часть Антоний обменивал на целебные порошки собственного изготовления у проезжающих мимо в город Дорос генуэзских купцов. Столица православного княжества Феодоро находилась неподалеку, на вершине горы-останца, и считалась неприступной крепостью.

Местные часто обращались к нему за помощью. Кто приходил за советом, кто – за утешением, а кто – просто за добрым словом. В деревне Антония за глаза любовно звали «наш святой». Несколько лет назад, зимой, поскользнувшись на ледяной корке, покрывшей за ночь каменный проход, монах упал с верхнего яруса монастырской скалы, пролетев метров двадцать вниз на камни. Должен был разбиться насмерть, но вышло по-другому, он и сам не мог объяснить, как так случилось – ни царапины не было, похромал разве что неделю.

– Не иначе как Бог уберег для Своих, известных только Ему целей, – решили деревенские.

Закончив молиться, Антоний, привычно опираясь одной рукой на стену, поднялся в кладовую. Задумчиво глядя на расстилающуюся перед ним долину, всю покрытую зеленью, перекусил вчерашней пшеничной лепешкой, помакав ее в горшочек с медом. Подул ветер, и окрестные вершины прибрежной гряды гор внезапно скрылись в набежавших облаках. Правее, совсем вдали, уже у самого моря, на Крепостной горе угадывались строения Верхнего города генуэзской крепости Чембало.

– Там, за бескрайними просторами Черного моря, лежит Византия, – вздохнул монах.

Окончив трапезу, Антоний поднялся, перекинув через плечо корзину для хвороста, и отправился в лес. Он не спеша шел по тропинке; вокруг царил тишина, нарушаемая лишь шорохом ветра в кронах деревьев. По пути вдруг нахлынули воспоминания, образы из прошлого вставали перед глазами.

Простой ныне монах родился в семье Кантакузинов, древней и влиятельной династии, игравшую важную роль в политической и церковной жизни Византии. И, будучи наследником этого рода, он не мог не осознавать ответственности, которую налагало на него происхождение. С самых ранних лет Антоний был погружен в зыбкую атмосферу великого прошлого, мрачного настоящего и тревожного будущего, царившую при дворе и связанную с закатом империи.

Высокие налоги, междоусобицы и постоянные войны с внешними врагами истощали ресурсы государства. Само византийское общество, когда-то славившееся своей строгостью и моралью, постепенно растеряло эти качества. Религиозная жизнь тоже изменилась, хотя обряды и церемонии оставались важной частью, их глубокий духовный смысл был утрачен.

Монах вспомнил Великий дворец, где он часто бывал в юности. В величественных мраморных залах звучали голоса политиков, историков и священников, до хрипоты споривших о путях спасения государства, чьи границы уже давно стиснула в соевм в железном кулаке Османская держава.

Антоний дружил с четвертым сыном императора Мануила II, Константином. И тот, полностью осознавая размеры грядущей беды, считал, что только меч, только сила оружия, сможет спасти империю от неминуемого падения. Его убежденность была абсолютной, а уверенность в правильности выбранного пути – непоколебимой. Антоний, напротив, видел спасение в другом – в кресте, в истинной вере, которая могла бы удержать империю от сползания в пропасть, вдохнуть новую жизнь в некогда могучее тело Византии. Он полагал, что только духовное обновление способно возродить умирающее государство.

– Друг мой, – прошептал Антоний, в мыслях обращаясь к Константину, – ты всегда верил в силу меча, в мощь воина. Но разве не вера – наша истинная сила? Разве не крест – наш щит и опора?

Воспоминания перенесли монаха в тот день, когда они в очередной раз пытались найти путь из безвыходной ситуации, в которой оказалась их держава. Константин так сильно ударил кулаком по библиотечному столу, что разложенные на нем старинные трактаты об устройстве государственной власти и книги по истории подпрыгнули в такт. Его крепко сжатая ладонь опустилась прямо в центр карты, где еще единая Римская империя простирала свою властную длань на половину мира. Через открытое окно в комнату проникал аромат цветущих в саду роз.

– Взгляни на эти карты! А что теперь?.. Ты не понимаешь, – страстно воскликнул он. – Враги не остановятся перед крестом. Они уважают только силу. И только меч защитит нас от их натиска.

Антоний, спокойный и уравновешенный, посмотрел на герб с двуглавым орлом, символ династии Палеологов, висевший на стене.

– Константин, а как же лабарум, как же «Сим побеждай»?! Сила меча может выиграть битву, но не войну. Только вера даст нам истинную победу. Государство утратило тот фундамент, на котором оно стояло в веках. От веры осталась лишь форма, от нравственности – видимость, от культуры – лишь тени былого величия.

Константин, вздыхая, отвел взгляд.

– Ты всегда был идеалистом, друг мой. Но мир жесток. И если мы будем только молиться, нас просто сметут. И некому будет помолиться за нас.

Антоний наклонился подобрать несколько сухих веток и вдруг ощутил, как сердце сжалось от тревоги. Что-то было не так. Он не мог объяснить это чувство, но понял, что оно не покидало его с самого утра, с момента пробуждения.

– Господи, дай нам силы, – прошептал монах, поднимая глаза к небу. – Дай нам мудрости понять Твой замысел.

И Антоний пошел дальше по лесу, не зная, что страшные вести уже на пути в Крымскую Готию. Вести о падении Константинополя, о гибели его друга и о конце великой империи, которую они так любили и за которую боролись каждый по-своему.

Глава 10. Клятва

*Из всего написанного
люблю я только то,
что пишется своей кровью.*

Ф. Ницше

Однажды вечером, отоспавшись после ночного дежурства в клинике, Алексей решил прогуляться по городу. Он любил побродить по улицам, поглазеть на одиноких прохожих, спешивших по своим делам, или шумные компании, беспечно галдящие на лавочках. Потоки машин, перекрестки с мигающими глазами светофоров, сверкающие рекламные щиты, витрины магазинов настойчиво зазывающие проходящих мимо горожан. Все эти неперменные атрибуты наполненного напряженной энергией большого города настраивали на определенный лад. Он чувствовал себя зрителем, наблюдающим за нескончаемым спектаклем. Люди, автомобили, огни – все они были частью этого захватывающего представления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.